

ЗАПИСКА

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА

О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХЪ МАТЕРИАЛАХЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ ДЕРЖАВИНА,

СОВРАНЫХЪ ИМЪ ВЪ ПУТЕШЕСТВІИ.

Посѣщеніе мѣстъ, въ которыхъ можно было надѣяться найти дополнительные свѣдѣнія по біографіи Державина, началъ я съ Тамбова, гдѣ онъ былъ намѣстникомъ отъ конца 1785 по 1788 г. Здѣсь г. директоръ гимназіи Николай Ефимовичъ Артюховъ радушно предложилъ мнѣ пристанище въ своей квартирѣ и тѣмъ значительно облегчилъ мнѣ занятія въ этомъ городѣ. За отсутствіемъ губернатора, объѣзжавшаго въ то время уѣзды, г. вице-губернаторъ, Владиміръ Николаевичъ Токаревъ, приказалъ открыть мнѣ доступъ къ архиву губернскаго правленія. Г. архиваріусъ Боголюбскій составилъ для меня перечневой обзоръ движенія дѣлъ по губерніи, во время управленія Державина, и потомъ доставлялъ мнѣ по порядку самыя бумаги, изъ которыхъ я и дѣлалъ выписки. Къ сожалѣнію, нѣсколькихъ дѣлъ, значащихся въ описи, въ архивѣ не оказалось: они давно уничтожены въ числѣ ненужныхъ бумагъ, которыя архивамъ предоставлено постепенно истреблять.

Старожиловъ, которые могли бы еще помнить Державина, уже нельзя было отыскать въ Тамбовѣ; но мнѣ указали тамъ нѣсколько лицъ, въ семействахъ которыхъ сохраняются преданія, какъ о самомъ поэтѣ, такъ и о нѣкоторыхъ изъ его сослуживцевъ. Само собою разумѣется, что всѣ подобныя раз-

сказы были мною тщательно записаны, одни какъ готовый уже матеріалъ для біографіи, другіе какъ намеки, еще требующіе дальнѣйшихъ справокъ, розысканій или повѣрки. Нѣкоторыя лица обѣщали доставить мнѣ дополнительныя свѣдѣнія въ послѣдствіи. У Василія Петровича Воейкова, живущаго въ Лавровкѣ, верстахъ въ 60-ти отъ Тамбова по Воронежской дорогѣ, находится портретъ Державина, описаніе котораго, какъ я надѣюсь, будетъ мнѣ прислано.

Изъ Тамбова нужно мнѣ было направить путь къ Саратову и окрестнымъ мѣстамъ, гдѣ нашъ поэтъ, бывъ офицеромъ преображенскаго полка, дѣятельно распоряжался во время Пугачевщины по порученіямъ главнокомандующихъ и другихъ генераловъ. Чтобы проѣхать и это огромное степное пространство не совсѣмъ даромъ для занимающаго меня предмета, я избралъ путь черезъ Зубриловку, извѣстное родовое имѣніе князей Голицыныхъ, нынѣ лежащее въ предѣлахъ Балашовскаго уѣзда. Въ то время, когда Державинъ былъ Тамбовскимъ губернаторомъ, жилъ тамъ князь Сергій Ѳеодоровичъ ¹⁾, участвовавшій подъ начальствомъ Потемкина во второй Турецкой войнѣ и во взятіи Очакова (1788). Онъ былъ женатъ на племянницѣ таврическаго князя Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ, извѣстной своею красотою и воспитаніемъ не разъ Державинымъ. Ее разумѣетъ поэтъ, когда онъ въ одѣ: *Осень во время осады Очакова* такъ обращается къ князю С. Ѳ. Голицыну, съ мыслию о Зубриловкѣ:

• И ты спѣши скорѣй, Голицынъ!
 Принести въ твой домъ съ оливой лавръ:
 Твоя супруга златовласа,
 Пльнира сердцемъ и умомъ,
 Давно желаннаго ждетъ гласа,
 Когда ты къ ней пріѣдешь въ домъ. •

У княгини В. В. Голицыной было нѣсколько сестеръ, которыя всѣ были въ замужствѣ за другими болѣе или менѣе значительными лицами того времени, именно: Александра Васильевна за графомъ Браницкимъ, Надежда за Шепеле-

¹⁾ Род. 1748, умеръ 1810 г.

вымъ, Екатерина за графомъ Скавронскимъ, а во второмъ бракѣ за графомъ Литта, Татьяна за княземъ Юсуповымъ. Мать ихъ была сестра Потемкина.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, при Императорѣ Александрѣ, князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ, произведенный въ генералы отъ инфантеріи, получилъ важный постъ въ Лифляндіи и жилъ въ Ригѣ³⁾. Въ то время служилъ при немъ нашъ славный баснописецъ Крыловъ. Когда князь Голицынъ, оставивъ этотъ постъ, отправился въ свое Саратовское имѣніе, онъ взялъ съ собою Крылова, который и провелъ года три въ Зубриловкѣ. До сихъ поръ тамъ рассказываютъ про него анекдотъ: разъ онъ пропадалъ цѣлый день и наконецъ отыскался на колокольнѣ, гдѣ благовѣстъ прервалъ глубокой сонъ поэта. Въ Зубриловкѣ не разъ играна была драматическая шутка его *Трумфъ*, въ которой самъ онъ исполнялъ роль главнаго героя, носившаго это имя⁴⁾. Нынѣшній владѣлецъ имѣнія, уѣздный предводитель дворянства князь Александръ Ѳедоровичъ Голицынъ-Прозоровскій (мать его, урожденная княжна Анна Александровна Прозоровская, была по матери внука князя Михаила Никитича Волконскаго, главнокомандующаго въ Москвѣ при Императрицѣ Екатеринѣ II⁴⁾). Старый каменный домъ, окруженный зеленью садовъ, на живописныхъ берегахъ рѣки Хопра, поддерживается ши, точнѣе, возобновляется нынѣ въ прежнемъ видѣ. Внутри стѣны его увѣшаны портретами знаменитыхъ предковъ хозяина. Между рукописями старинной бібліотеки замѣчательна тетрадь, содержащая официальную переписку князя Волконскаго во время Пугачевщины. Она начинается запискою о самомъ Пугачевѣ, изъ которой извлеченіе было помѣщено въ Москвитянинѣ

³⁾ По словамъ Бантышъ-Каменскаго князь Голицынъ былъ назначенъ инспекторомъ пѣхоты Лифляндской инспекціи; въ біографіи же Крылова, составленной П. А. Плетневымъ, онъ названъ Рижскимъ военнымъ губернаторомъ.

³⁾ По показанію П. А. Плетнева въ біографіи Крылова, *Трумфъ* написанъ былъ въ Ригѣ; въ Зубриловкѣ же считаютъ это имѣніе его родиной.

⁴⁾ Онъ былъ женатъ на Бестужевои-Рюминой. Дочь его княжна Анна Михайловна вышла за князя Александра Александровича Прозоровскаго, впоследствии фельдмаршала; а единственная дочь послѣдняго сдѣлалась супругою егермейстера, дѣйствительнаго камергера, князя Ѳ. Серг. Голицына.

1845 г. (№ 9). Желательно, чтобы эта любопытная бумага была напечатана цѣликомъ. Въ одномъ изъ слѣдующихъ за нею донесеній упоминается и имя Державина. Княгиня Марья Александровна Голицына, урожденная Львова, есть правнучка Николая Александровича Львова, друга Державина. Въ московскомъ домѣ матери ея, Натальи Николаевны (урожденной Мордвиновой) находится подлинникъ портрета, гравированнаго для нашего изданія *Θ. И. Горданомъ*.

Изъ Зубриловки поѣхалъ я чрезъ Сердобскъ на Петровскъ, съ котораго уже начинается театръ послѣднихъ злодѣйствъ Пугачева. Въ Петровскъ Державинъ, съ казаками, отправился изъ Саратова, услышавъ о приближеніи самозванца къ первому изъ этихъ городовъ. Извѣстно, что это предпріятіе не удалось Державину, что онъ не успѣлъ предупредить прихода Пугачева въ Петровскъ, что саратовскіе казаки передались злодѣю и Державинъ самъ едва ускокалъ отъ его погони. Уже имѣя въ рукахъ своихъ богатое собраніе письменныхъ матеріаловъ для исторіи этой эпохи дѣятельности Державина, я не могъ рассчитывать на значительное пополненіе ихъ свѣдѣніями, еще остающимися на мѣстахъ, и преимущественно искалъ здѣсь нагляднаго знакомства съ театромъ дѣйствій. Съ этою цѣлью всходилъ я на Соколову гору, господствующую надъ всѣмъ Саратовомъ, на которой стояли батареи Пугачева при нападеніи его на этотъ городъ; далѣе посѣтилъ расположенныя по луговой сторонѣ Волги нѣмецкія колоніи съ горою Читалагаемъ⁵⁾ и живописно стоящій на нагорномъ берегу городъ Волскъ (бывшую слободу Малыковку), гдѣ, какъ и въ колоніяхъ, Державинъ жилъ довольно долго во время Пугачевщины. Здѣсь не могу не упомянуть съ особенною признательностью о благосклонномъ пріемѣ, который я нашелъ въ домахъ пасторовъ: католическаго—Андржековича, въ главной колоніи Екатеринштадтѣ, и лютеранскаго—Пундани, въ Волскѣ; оба они оказали мнѣ усердное содѣйствіе въ собираніи историческихъ свѣдѣній. Пастору Пун-

⁵⁾ Имя ея обязано своею извѣстностью заглавію самаго стараго изданія сочиненій Державина, напечатаннаго въ началѣ 1776 г. въ типографіи Академіи Наукъ: «Оды, переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ». См. мою статью о нихъ въ Библиогр. Запискахъ 1859 г. № 16.

дани обязанъ я тѣмъ болѣе, что онъ еще прежде, служа въ колоніяхъ, съ готовностью разрѣшалъ письменно вопросы, съ которыми я къ нему обращался по моимъ розысканіямъ. Считаю излишнимъ обстоятельно излагать здѣсь результаты этихъ поѣздокъ, и берегаю подробности для самаго изслѣдованія моего. Еще менѣе кстати было бы помѣщать здѣсь другія, неотносящіяся прямо къ предмету, насъ занимающему, наблюденія, которыхъ конечно я вынесъ не мало изъ этого путешествія, но которыя требовали бы особаго изложенія. Впрочемъ и запасъ письменныхъ матеріаловъ моихъ нѣсколько увеличился въ Саратовѣ, благодаря Ѳедору Станиславичу Лизандеру, управляющему конторой иностранныхъ поселенцевъ: онъ обязательно доставилъ мнѣ копію хранящихся въ архивѣ этой конторы журналовъ по дѣлу о ссорѣ Державина и тогдашняго начальника колоній Лодыжинскаго съ комендантомъ Бошнякомъ, касательно способа обороны Саратова отъ Пугачева. Служащій по кадастру г. Шмальценъ, временно находящійся въ этомъ городѣ, приказалъ изготovitъ для меня двѣ карты Саратовскихъ колоній, а старшій полиціймейстеръ Михаилъ Дмитріевичъ Познякъ (братъ извѣстной Софьи Дмитріевны Пономаревой) обѣщалъ постараться достать мнѣ уцѣлѣвшія фамильные письма Бошняка и старый планъ города Саратова. Сверхъ того редакторъ тамошнихъ губернскихъ вѣдомостей, Даніилъ Лукичъ Мордовцевъ, подалъ мнѣ надежду получить отъ него нѣсколько выписокъ изъ дѣлъ Петровскаго архива, особенно по допросу, снятому съ казаковъ, сопровождавшихъ Державина на пути въ Петровскъ.

Изъ Саратова отправился я вверхъ по Волгѣ на одномъ изъ пароходовъ, благодаря которымъ сообщенія по этой рѣкѣ приняла совершенно новый видъ, и посвятивъ нѣсколько дней Самарѣ, представлявшей для меня интересъ другаго рода, поспѣшилъ въ Казань, какъ мѣсто, съ которымъ соединены воспоминанія о рожденіи и дѣтствѣ Державина. По весьма понятнымъ причинамъ, и сюда влекло меня гораздо болѣе желаніе непосредственнаго знакомства съ мѣстами, нежели надежда отыскать какіе-либо новые документы. Здѣсь особенное, теплое участіе въ дѣлѣ моемъ принялъ достойный нашъ славянинъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ: онъ заботливо отыскивалъ

лица, которыя бы могли сообщить мнѣ какія-нибудь свѣдѣнія или преданія, и вообще всячески старался добыть для меня полезныя указанія. Независимо отъ услуги, такимъ образомъ оказанной мнѣ профессоромъ Григоровичемъ по этому дѣлу, я не могу умолчать о наслажденіи и пользѣ, извлеченныхъ мною изъ частыхъ моихъ бесѣдъ съ нимъ по другимъ предметамъ общаго для насъ интереса, близкимъ и для всего нашего Отдѣленія. Въ этихъ бесѣдахъ я снова убѣдился, какъ много живительнаго въ обмѣнѣ мыслей съ людьми, вращающимися въ одномъ съ нами кругѣ занятій, но раздѣленными съ нами пространствомъ и обстоятельствами. Просмотръ рѣдкаго собранія рукописей, которымъ владѣетъ Викторъ Ивановичъ, былъ для меня весьма поучителенъ. Благодаря г. Григоровичу я воспользовался также интереснымъ знакомствомъ профессора русской словесности въ Казанской духовной академіи, Ивана Яковлевича Порфирьева, заслуживающаго благодарность за критическое изданіе (въ Православномъ Собесѣдникѣ) нѣкоторыхъ трудовъ Кирилла Туровскаго и Максима Грека. При его помощи осмотрѣлъ я находящуюся нынѣ въ Казанской семинаріи Соловецкую библіотеку. Въ Университетской библіотекѣ, гдѣ занимался при обязательномъ содѣйствіи завѣдывающаго ею, бывшаго профессора восточныхъ языковъ Осипа Федоровича Готвальда, обратилъ я вниманіе между прочимъ на слѣдующія рукописи: 1) тетрадь сатирическихъ стихотвореній прошлаго вѣка, содержаніе которой извѣстно отчасти изъ сочиненія профессора Булича о Сумароковѣ и изъ статьи г. Аванасьева въ Библіографическихъ Запискахъ (1859, № 16 и 17: Образцы литературной полемики прошлаго столѣтія). Въ этой тетради нашелъ я и разъясненіе предмета, занимавшаго однажды Отдѣленіе. Въ Московской газетѣ *Развлеченіе*, издаваемой Ѳ. Б. Миллеромъ, была напечатана два года тому назадъ (1860, № 47) басня «Сильная рука Владыка», которую сообщившій ее А. З. Зиновьевъ приписалъ Державину. Тогда-же имѣлъ я честь объяснить Отдѣленію, что хотя въ содержаніи ея и есть нѣкоторый поводъ къ сближенію съ обстоятельствами жизни нашего поэта, но слогъ ея и стихъ рѣшительно не позволяютъ считать Державина ея авторомъ. Просмотръ упомянутой рукописи вполне подтвердилъ

такое мнѣніе. Эта басня вписана въ самомъ концѣ тетради особливо рукою съ такою припиской: сочиненіе Н. Ф. Эмина; 2) гербовникъ временъ Екатерины II, откуда я срисовалъ гербъ Державина, и 3) лексиконъ російско-латинско-италіянско-французскій, составленный (въ 1747 г.) служившимъ въ Россіи Венеціанцемъ Георгіемъ Дандоло и посвященный Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, при которой онъ состоялъ переводчикомъ. Изъ вшитыхъ въ рукопись листовъ видно, что для напечатанія его требовалось одобреніе Академіи Наукъ, и что авторъ не получилъ его вслѣдствіе строгой критики Тредьяковскаго⁶⁾.

Въ Университетскомъ архивѣ находится дѣло о сооруженіи Державину, по подпискѣ, памятника, открытаго въ Казани въ 1847 г. Дѣло это составляетъ два огромные фоліанта, выписки изъ которыхъ потребовали бы болѣе времени, нежели сколько я могъ посвятить на все пребываніе въ Казани. Надѣюсь, что въ свое время Отдѣленіе не встрѣтитъ затрудненія обратиться къ Казанскому университету съ просьбою выслать эти фоліанты для просмотра въ Петербургъ.

Сверхъ самой Казани мнѣ нужно было видѣть, въ окрестностяхъ ея, имѣнія нѣкогда принадлежавшія роду Державиныхъ. По завѣщанію поэта родовыя его имѣнія должны были послѣ него перейти въ пожизненное владѣніе ближайшаго родственника его, коллежскаго совѣтника Петра Никитича Миллера⁷⁾ (умершаго въ 1847 г.); по смерти же вдовы Державина (умершей въ 1842 г.) они, согласно съ духовной Гавріила Романовича, были раздѣлены: имѣнія оренбургскія достались сыновьямъ Петра Никитича, а казанскія дочерямъ его. Николай Петровичъ Миллеръ остается до сихъ поръ помѣщикомъ Бузулуцкаго уѣзда, принадлежащаго нынѣ къ Самарской губерніи; старшій же братъ его, Александръ Петровичъ, живетъ въ купленномъ еще отцомъ его имѣніи Астраханкѣ, верстахъ въ 40-ка отъ Казани, вблизи станціи Нарманки по Оренбургскому тракту.

⁶⁾ См. въ Библиографическихъ Запискахъ 1859 г. № 7 статью Н. Попова: «Георгій Дандоло, русскій лексикографъ и переводчикъ прошлаго столѣтія.»

⁷⁾ Совѣтника низоваго правленія корабельныхъ лѣсовъ въ Казани. Мать Петра Никитича Миллера, Наталья Ивановна, была двоюродная сестра Державина по матери. Миллеръ былъ женатъ на Еленѣ Силишнѣ Григоровичъ, умершей въ 1860 году.

Съ этого имѣнія и рѣшился я начать обзоръ окрестностей Казани. Александръ Петровичъ Миллеръ воспитывался въ Горномъ корпусѣ и поступилъ на службу въ артиллерію; потомъ онъ служилъ въ уланахъ, но вышелъ въ отставку еще въ чинѣ подпоручика. Братъ его, Николай Петровичъ, воспитывался во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и также служилъ въ уланахъ. Александръ Петровичъ и супруга его, Екатерина Павловна, урожденная Толстая, приняли меня очень радушно, но не могли передать никакихъ письменныхъ свидѣтельствъ, касающихся Державина. Они сказывали мнѣ, что въ этомъ имѣніи была шкапулка съ письмами его, но она уже вскорѣ послѣ кончины поэта была похищена, вѣроятно въ предположеніи, что заключала деньги или другія сокровища. Отъ нихъ-же узналъ я, что въ Бузулудскомъ имѣніи Державина⁵⁾, въ нынѣшней Самарской губерніи, есть церковь, иконостасъ которой писанъ первою женой поэта; тамъ два образа, св. Ѳеклы и св. Екатерины, представляютъ портреты матери и самой живописицы. Въ домѣ г. Миллера видѣлъ я писанныя масляными красками очень хорошія копіи двухъ грудныхъ портретовъ Державина: одинъ изображаетъ его въ красномъ мундирѣ и есть тотъ самый, который находится въ нашей академіи (работы Боровиковскаго); на другомъ поэтъ представленъ въ шубѣ и собольей шапкѣ (по оригиналу Тончи; копія сдѣлана въ 1809 г. Никифоромъ Прасоловымъ).

Недалеко отъ Астраханки лежитъ имѣніе Кармачи, которое принадлежало родителямъ Державина, а нынѣ состоитъ изъ трехъ деревень и раздѣлено между тремя владѣльцами: гг. Карташевымъ (мировымъ посредникомъ), Покровскимъ и Лебедевымъ (живущимъ въ другомъ близлежащемъ имѣніи, Каипѣ). Въ участкѣ г. Покровскаго, какъ самъ онъ мнѣ рассказывалъ, родина Державина; домъ, гдѣ по преданію онъ увидѣлъ свѣтъ, уже не существуетъ; онъ стоялъ подъ горою на мѣстѣ, гдѣ теперь грунтовой сарай; нынѣшняя же усадьба на горѣ, гдѣ

⁵⁾ Смоленское тожъ, потому что сюда были переселены крестьяне изъ Бѣлорусскихъ имѣній Державина, пожалованныхъ ему Екатериною II за участіе въ мѣрахъ противъ Пугачева. Въ этомъ имѣніи былъ при Державинѣ винокуренный заводъ, закрытый П. Н. Миллеромъ. Другое Державино находится въ Казанской губерніи, вблизи посѣщенныхъ мною мѣстъ: нынѣ оно принадлежитъ Мих. Мих. Хрущову.

прежде былъ садъ. Впрочемъ другое преданіе утверждаетъ, что поэтъ нашъ родился въ сосѣдственномъ имѣніи, Сокурахъ: по крайней мѣрѣ достоверно, что онъ тутъ провелъ часть своей молодости.

Мимо Кармачей поѣхалъ я въ деревню Бутыри, лежащую отъ Астраханки въ 23-хъ верстахъ и также принадлежавшую Державинымъ. Теперешній владѣлецъ ея, Владиславъ Александровичъ Клушинъ, женатъ на Елизаветѣ Петровнѣ Миллеръ⁹⁾, ей же это имѣніе досталось по завѣщанію Державина. Покойный отецъ нынѣшняго помѣщика, Александръ Ивановичъ Клушинъ, есть тотъ самый, который извѣстенъ въ нашей литературѣ особенно драматическими сочиненіями и тѣмъ, что онъ былъ сотрудникомъ Крылова по его журнальной дѣятельности. Такъ какъ мы очень мало знаемъ о жизни Клушина, то я сообщу здѣсь тѣ, хотя и скудныя, біографическія о немъ свѣдѣнія, которыя мнѣ передалъ Владиславъ Александровичъ. А. И. Клушинъ былъ сынъ Орловскаго помѣщика, учился въ Ливенскомъ уѣздномъ училищѣ и поступилъ офицеромъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ. Библіотека какого-то вельможи, къ которой онъ получилъ доступъ (Разумовскаго?), дала ему средства пополнить свое слишкомъ недостаточное образованіе. Онъ дослужился до чина надворнаго совѣтника и въ началѣ царствованія Императора Александра I завѣдывалъ, подъ начальствомъ А. Л. Нарышкина, дирекцію Петербургскихъ театровъ. Въ это время онъ хотѣлъ отправиться за границу, но остановился въ Ревелѣ и здѣсь женился на нѣмкѣ, вдовѣ, баронессѣ Розенъ. Впослѣдствіи онъ еще разъ ѣздилъ въ Ревель для поправленія совершенно-разстроеннаго здоровья, но тамъ и умеръ въ 1803 году¹⁰⁾. Жена его жила еще до 1848 г. Отъ нихъ осталось трое сыновей, изъ которыхъ Владиславъ Александровичъ младшій. Онъ служилъ въ Казани при дядѣ своемъ, баронѣ Розенѣ, занимавшемъ тамъ

⁹⁾ У Петра Николаевича Миллера было 8 дѣтей. Кромѣ названныхъ двухъ сыновей живы еще двѣ дочери: Марья Петровна, въ замужствѣ за адѣшнимъ же помѣщикомъ Мазалевакимъ, и Софья Петровна, живущая въ монастырѣ въ Свяжскѣ.

¹⁰⁾ Въ Словарѣ митрополита Евгенія смерть Клушина отнесена къ 1804 году.

должность гражданского губернатора, женился и, выйдя въ отставку, поселился въ деревнѣ. Проведя часа два въ пріятномъ обществѣ этого образованнаго помѣщика и случившагося тутъ гостя, сосѣда его, г. Покровскаго изъ Кармачей, я хотѣлъ въ тотъ-же вечеръ ѣхать далѣе въ село Егорьево, гдѣ, какъ мнѣ извѣстно было, похоронены родители Державина, но гостепріимный хозяинъ уговорилъ меня ночевать въ его домѣ. Я тѣмъ охотнѣе принялъ это предложеніе, что онъ вызвался ѣхать на другое утро вмѣстѣ со мною къ обѣднѣ въ Егорьево. Проливной дождь, продолжавшійся непрерывно съ самаго вечера, не позволилъ намъ однакожь исполнить этотъ планъ. Обѣдня давно отошла, когда я, распростившись съ Владиславомъ Александровичемъ, поѣхалъ на его лошадахъ въ Егорьево, до котораго только 5 верстъ отъ Бутырей. Молодой священникъ, Евгенийъ Леонидовичъ Львовъ, племянникъ сочлена нашего П. С. Билярскаго, повелъ меня въ церковную ограду, гдѣ возлѣ самой церкви покоится прахъ Романа Николаевича и Феклы Андреевны Державиныхъ, какъ гласятъ явственныя до сихъ поръ надписи на двухъ хорошо сохранившихся камняхъ, покрывающихъ ихъ гробницы. Я спросилъ, исполняется ли сдѣланное Державинымъ въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія распоряженіе о еженедѣльной литургіи за упокой предковъ его по доставленному имъ въ церковь синодику рода Державиныхъ. Къ удивленію моему, священникъ, недавно еще назначенный въ Егорьево, ничего не зналъ объ этомъ распоряженіи, сдѣланномъ въ письмѣ, которое давно было напечатано¹¹⁾. Мы пошли въ церковный архивъ искать этой бумаги, но всѣ поиски наши остались безуспѣшны. Между тѣмъ бывшіе тутъ же пономарь и дьячекъ засвидѣтельствовали, что такое рас-

¹¹⁾ Въ Заволжскомъ Муравѣ 1834 года ч. 2, № 11. Бывшій священникъ села Егорьева, отецъ Авдей, сказывалъ мнѣ, что однажды онъ былъ позванъ къ сосѣднему помѣщику г. Лебедеву, у котораго тогда находился проѣздомъ какой-то г. Никольскій; у священника попросили подлиннаго письма Державина и оно было переписано, вѣроятно для печати. Перепечатаваю его здѣсь изъ Заволжскаго Муравья.

Села Егорьевскаго священный отецъ Іерей Феодоръ!

По имѣющемуся у васъ синодику рода Державиныхъ, подписанному моею рукою, прошу васъ отправлять божественныя за упокой литургіи, каждую недѣлю одинъ день, то есть въ Субботу; и учредить сіе такимъ образомъ, чтобы

поряженіе дѣйствительно исполнялось прежде. По распросамъ моимъ оказалось, что предшественникъ отца Евгенія, Иванъ Яковлевичъ Топорнинъ умеръ, бывший же до него Егорьевскимъ священникомъ Авдей Ивановичъ Свѣтозаровъ по сию пору живетъ въ Казани. Я общалъ навести у него справку по возвращеніи въ городъ, и дѣйствительно узналъ отъ этого почтеннаго старца, который 36 лѣтъ занималъ мѣсто священника въ Егорьевѣ, что онъ во все это время каждую субботу служилъ панихиду по предкахъ Державина, и сначала получалъ назначенную имъ на это небольшую сумму; потомъ плата производилась хлѣбомъ, по смерти же Петра Никитича Миллера поминовение продолжалось уже безвозмездно. Что же касается до неотыскавагося подлиннаго письма Державина, то отецъ Авдей полагалъ, не осталось ли оно въ рукахъ дочери преемника его Топорнина, которая по прежнему живетъ въ Егорьевѣ. Эти свѣдѣнія были немедленно переданы мною по почтѣ, какъ отцу Евгенію, такъ и сосѣду его, Бутырскому помѣщику. Не знаю, послужило ли мое письмо къ восстановленію распоряженія, сдѣланнаго Державнымъ на вѣчныя времена. Егорьево есть казенное село Лаишевскаго уѣзда; въ немъ считается 1,200 душъ. Родители Дер-

вы и преемники сана вашего, имѣющіе быть при церкви села Егорьевскаго, службу сію продолжали изъ году въ годъ непремѣнно навсегда, даже елико можно въ вѣчность. А за сей трудъ опредѣляю я вамъ и преемникамъ вашимъ получать въ началѣ Генваря мѣсяца Лаишевской округи изъ деревни моей Бутырей, изъ доходовъ господскихъ, отъ старосты Мирона Васильева, или кто по немъ должность его отправлять будетъ, по семи рублевъ каждый годъ. Пять собственно для васъ, а два на потребу въ церковь, то есть на просфоры, ладонъ и вино. Учрежденіе сіе, подъ клятвою, должны сохранять въ вѣчность не токмо я, но и мои потомки, кому означенная деревня по какимъ либо случаямъ, какъ то по наслѣдству или по крѣпостямъ во владѣніе дойдетъ; для чего сіе завѣщаніе, во всѣхъ перекрѣпленіяхъ, изъ рукъ въ руки переходящихъ, имѣетъ быть точно означено, чтобъ опредѣленное подаваніе въ церковь, каждый годъ семь рублей, вѣрно доходило. Паче же чаянія оно доходить не будетъ, то сіе обязательство да послужитъ основаніемъ, по которому вы и преемники ваши имѣете право просить на наслѣдниковъ моихъ удовольствія въ мѣстахъ, для правосудія учрежденныхъ.

Впрочемъ вашему священству пребываю почитательнѣйшимъ и покорнымъ слугою.

Гавріилъ Державинъ.

1784 Августа 30 дня.

Казань.

жавина похоронены въ Егорьевѣ, потому что принадлежали къ приходу тамошней церкви.

Изъ Егорьева я намѣренъ былъ съѣздить въ лежащія на двухъ противоположныхъ берегахъ рѣки Камы имѣнія Мурзиху и Шуранъ. Первое принадлежитъ родственникамъ Александра Петровича Миллера, гг. Толстымъ, и я, по слышаннымъ мною рассказамъ, надѣялся найти въ архивѣ тамошней конторы нѣсколько бумагъ, любопытныхъ для исторіи прошлаго столѣтія¹²⁾. Имѣніе Шуранъ извѣстно какъ помѣстье товарища Державина по гимназій, Петра Нарманскаго, отецъ котораго Андрей ознаменовалъ себя разными дикими поступками, до сихъ поръ живущими въ казанскихъ преданіяхъ, и наконецъ былъ сосланъ въ Сибирь. На этомъ мѣстѣ, Державинъ, вскорѣ послѣ своей женитьбы въ 1778 году, возвращаясь изъ оренбургскихъ своихъ имѣній въ Казань, былъ задержанъ Камою, по которой шелъ ледъ, и написалъ стихотвореніе: «Препятствіе къ свиданію съ супругою». Съ береговъ Камы думалъ я проѣхать до развалинъ Болгаръ, извѣстнаго татарскаго селенія, вблизи откуда ожидалъ меня въ своемъ имѣніи Три Озера Орестъ Порфирьевичъ Молоствовъ. Изъ записокъ Державина мы знаемъ, что поэтъ, будучи въ Казанской гимназій, по порученію директора ея Веревкина ѣздилъ въ Болгары, снялъ съ нихъ рисунокъ и описалъ эти развалины. Но, къ сожалѣнію, установившаяся вдругъ на нѣсколько сутокъ ненастная погода разстроила мои планы: дороги испортились, и я не рѣшился предпринять поѣздку, которая могла бы на слишкомъ долгое время отвлечь меня отъ Казани, гдѣ въ назначенный день я долженъ былъ съѣхаться съ человѣкомъ, имѣющимъ богатое собраніе любопытныхъ бумагъ, г. судебнымъ слѣдователемъ Пупаревымъ. Аркадій Гавриловичъ Пупаревъ, учившійся въ Казанскомъ университетѣ, долго занимался собираніемъ памятниковъ народной словесности и составленіемъ словаря областныхъ словъ Казанскаго края. Сверхъ того онъ пересмотрѣлъ весь Царевкокшайскій архивъ и выписалъ оттуда множество бумагъ, имѣющихъ не одинъ

¹²⁾ Благодаря обязательности Льва Павловича Толстаго, нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ находятся нынѣ въ рукахъ моихъ, вслѣдствіе письменной просьбы, съ которою я обращался къ нему по возвращеніи моемъ въ Казань

мѣстный интересъ. Ожиданіе мое найти въ его собраніи неизвѣстныхъ бумаги, относящіяся къ исторіи Пугачевского бунта, не осуществилось (онѣ уже были переданы въ другія руки); но онѣ сообщили мнѣ кое-что новое для біографіи Державина. Изъ другихъ актовъ, которыя я видѣлъ у него, упомяну проектъ закона о сословіяхъ, составленный Екатерининскою комиссіею депутатовъ, и указъ Сената, разосланный циркулярно, о сожженіи трагедіи Княжнина: *Вадимъ*, Последнюю изъ этихъ бумагъ, ради ея историко-литературнаго значенія, выписываю здѣсь цѣликомъ со всею точностью: она вноситъ новый фактъ въ исторію запрещенія этой трагедіи. *)

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийской изъ Казанскаго намѣстническаго правленія Царевкокшайскому городничему г. секундъ-маіору Булычеву. Въ указѣ Ея Императорскаго Величества изъ правительствующаго сената въ сіе намѣстническое правленіе напечатано: «Правительствующему-де сенату г. дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ Александръ Николаевичъ Самойловъ предложилъ, что въ публику вышла книга, напечатанная въ 1793 году подъ названіемъ: трагедія «Вадимъ Новгородскій», сочиненія покойнаго надворнаго совѣтника Якова Княжнева (sic); въ сей трагедіи помѣщены нѣкоторыя слова, неточно соблазнъ подающія къ нарушенію благосостоянія общества, но даже есть израженія противу цѣлости законной власти царей, что усмотритъ правительствующій сенатъ изъ самой той трагедіи; такковыя дерзкія изрѣченія противны вначалѣ божественнымъ, а потомъ и гражданскимъ законамъ: священное писаніе глаголетъ: нѣсть власть аще не отъ Бога, сущія жъ власти отъ Бога учинены суть, тѣмъ же противляяйся власти, Божию повелѣнію противляется. Гражданскія законоположенія на тотъ конецъ расположены, чтобъ каждому видѣти все отечество свое на самой вышней степени благополучія, славы, блаженства и спокойствія и охраняется ими какъ общая, такъ и личная каждого безопасность; пекущаяся о семъ Всемилостивѣйшая наша Государыня

*) Самыя подробныя до сихъ поръ свѣдѣнія о *Вадимѣ* были сообщены М. Н. Лонгиновымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1860 г., № 4.

и Матерь отечества доказываетъ ежедневными опытами, воздая всегда заслугѣ должное, отвращая всякое и малѣйшее отъ вѣрно-подданныхъ Ея утѣсненіе и соединяя праведный свой судъ съ милостию; правительствующій сенатъ, яко хранилище законовъ и исполняющій велѣнія Ея Императорскаго Величества, боліе другихъ о томъ извѣстенъ и какъ по тѣмъ же самымъ спасительнымъ Ея Величества законамъ постановлено: всякое поповозновеніе, клонящееся къ нарушенію безопасности общей и частной, удалять и истреблять: по сему во основаніе принятому истинному правилу не благоугодно ли будетъ правительствующему сенату сію выпешую столь съ дерзкими словами трагедію разсмотритъ (sic) и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе и по указу Ея Императорскаго Величества правительствующій сенатъ приказали: оную книгу яко наполняющую (sic) дерзкими и зловредными противъ законной самодержавной власти выраженіями, а потому въ обществѣ Россійской Имперіи нетерпимую, сжечь въ здѣшнемъ столичномъ городѣ публично, чего для и отослать ее въ С.-Петербургское губернское правленіе при указѣ и чтобъ отъ управы благочинія обывателямъ объявить, дабы они, кто бы у себя означенную книгу ни имѣлъ, тотчасъ представили оную въ губернское правленіе съ таковымъ подтвержденіемъ, что если кто утаитъ и не представитъ оную, тотъ подвергаетъ себя сужденію по законамъ. А какъ быть можетъ, что оная книга не только въ Москвѣ, но и въ прочихъ губерніяхъ уже распространилась: то московскому губернскому и намѣстническому правленіямъ предписать, дабы и они равнымъ образомъ отъ таковыхъ, кто оныя имѣетъ, отобравъ, доставили бы немедленно въ сенатъ для истребленія оныхъ». Для того намѣстническое правленіе приказали: о полученіи указа правительствующему сенату донести рапортомъ; губерніи жъ Казанской къ городничимъ и въ нижніе земскіе суды съ прописаніемъ онаго указа, къ надлежащему исполненію послать указы жъ предписавъ во оныхъ» и проч.

Оставивъ Казань съ тѣмъ, чтобы возвратиться въ Петербургъ, я уже не надѣялся на пути оттуда найти какія-нибудь новыя приобрѣтенія для своего труда; но въ Нижнемъ-Новгородѣ неожиданно встрѣтилъ молодаго литератора, который могъ

сообщить мнѣ нѣсколько дѣльныхъ указаній. Это былъ Николай Никол. Овсянниковъ, преподаватель въ тамошнемъ женскомъ училищѣ. Когда появилась статья моя: Жизнь Державина (Русскій Вѣстникъ 1860 г. № 1), г. Овсянниковъ, какъ уроженецъ Казанской губерніи, проведеній дѣтство въ мѣстахъ близкихъ къ родинѣ Державина, набросалъ нѣсколько очень умныхъ замѣтокъ по разнымъ пунктамъ этой статьи, обнимающей годы дѣтства и молодости Державина, и теперь прочиталъ мнѣ эти мысли, занимающія нѣсколько страницъ въ его записной тетради. По просьбѣ моей, г. Овсянниковъ, черезъ нѣсколько времени, прислалъ мнѣ списокъ съ этихъ замѣтокъ, которыми я въ своемъ мѣстѣ и воспользуюсь. Прибавлю, что въ Москвѣ получилъ я нѣсколько интересныхъ свѣдѣній отъ извѣстныхъ библиографовъ нашихъ Петра Ивановича Бартенева и Михаила Николаевича Лонгинова, а г. директоръ Московскаго архива министерства юстиціи Петръ Ивановичъ Ивановъ благосклонно вызвался доставить мнѣ выписки изъ дѣла, производившагося въ Московскихъ департаментахъ сената по суду надъ Державинимъ, вслѣдствіе его несогласій съ Гудовичемъ во время управленія Тамбовскою губерніею ¹³⁾. Наконецъ упомяну еще объ одномъ мѣстѣ, которое я посѣтилъ по связи его воспоминаній съ моими изслѣдованіями. Близъ Коломны, на противоположномъ берегу рѣки Оки, лежитъ прекрасное имѣніе Щурово, принадлежавшее статсъ-секретарю Императрицы Екатерины II Андреяну Мойсеевичу Грибовскому, оставившему любопытныя, хотя къ сожалѣнію и краткія, записки о ея царствованіи ¹⁴⁾. Дочь его, Елена Андреяновна, вышла замужъ за Василья Яковлевича Губерти, бывшаго въ военной службѣ и давно уже умершаго вслѣдствіе ранъ, полученныхъ имъ въ войнѣ 1812 года. Онъ оставилъ вдову и трехъ сыновей, во владѣніи которыхъ и находится до сихъ поръ Щурово. Такъ какъ Грибовскій въ Петрозаводскѣ служилъ при Державинѣ, то я и счелъ великимъ побыватъ въ Щуровской усадьбѣ, живописно расположенной на высокомъ берегу Оки, въ надеждѣ услышать

¹³⁾ Въ Тамбовскомъ архивѣ уничтожено между прочимъ возникшее по этимъ несогласіямъ дѣло.

¹⁴⁾ Онѣ были напечатаны въ Москвитинѣ 1847 г., № 2.

здѣсь нѣсколько разъясненій относительно личности и жизни Грибовскаго, нѣкогда игравшаго роль въ службѣ при Потемкинѣ и потомъ при Зубовѣ. Почтенная Елена Андреяновна была столь обязательна, что показала мнѣ прекрасные портреты Грибовскаго и кн. Н. А. Зубова и мраморный бюстъ Екатерины II, и дополнила хотя немногими чертами то, что я зналъ о покойномъ отцѣ ея. Очень желательно, чтобы изъ хранящихся въ этомъ семействѣ бумагъ со временемъ были обнаружены какія-нибудь извлеченія. Щурово принадлежало нѣкогда Кикинымъ, и здѣсь погребено тѣло казеннаго Петромъ Великимъ Александра Кикина; потомъ владѣльцами этого имѣнія были князья Голицыны; позднѣе оно перешло къ Бахметьевымъ и наконецъ къ Грибовскому.

Изъ мѣстъ, имѣющихъ особенное значеніе для біографіи Державина, не успѣлъ я посѣтить: село Званку на рѣкѣ Волховѣ, гдѣ поэтъ проводилъ лѣто со времени второй женитьбы своей; монастырь Хутынь, гдѣ лежитъ его прахъ, и Петрозаводскъ, гдѣ онъ жилъ какъ начальникъ Олонецкой губерніи. Посѣщеніе этихъ мѣстъ отложено мною до другаго времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА ОБЪ ОДѢ „БОГЪ“.

АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Въ вѣкъ Державина духовная поэзія была въ большомъ ходу по всей Европѣ. Почти у каждаго поэта XVIII-го столѣтія можно найти одно или нѣсколько стихотвореній, посвященныхъ прославленію Бога. Даже Вольтеръ написалъ въ молодости оду «Le vrai Dieu» (см. *Oeuvres de Voltaire*, изданіе Beauchot, т. XII, стр. 407). Этому направленію послѣдовали и русскіе поэты, начиная съ Ломоносова и Сумарокова. Съ тѣхъ поръ какъ Державинъ сталъ участвовать въ журналахъ, на страницахъ ихъ нерѣдко являлись стихи подобнаго содержанія. Такъ въ *Утреннемъ Свѣтѣ* (1777, октябрь, ч. 1, стр. 156) напечатана была чья-то *Ода Богу*; въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1780, августъ, ч. VI, стр. 86) *Стансы Богу*, Княжнина, перепечатанные потомъ въ *Собесѣдникѣ* (ч. VIII); въ *Вечерней Зарѣ* (1782, ч. II, стр. 51 и ч. III, стр. 77) *Письмъ Всемогущему* (переводъ Ѡ. Ключарева); въ *Академическомъ Извѣстіяхъ* (1780, май, ч. V, стр. 77) оригинальная ода *Вѣчность*. Сверхъ того являлись и прозаическіе переводы подобныхъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ; напр. въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* (1778, декабрь, ч. II, стр. 413) Брайко перевелъ такимъ образомъ *Вѣчность* Галлера, а въ *Утреннемъ Свѣтѣ* (1779, ч. VII, стр. 65) Прянишниковъ— французское сочиненіе о *Величествѣ Божіемъ*. Въ этомъ-же журналѣ помѣщались переводы въ прозѣ изъ Юнговыхъ *Ночей* (1778, ноябрь, ч. IV, стр. 229 и слѣд.).

Нѣмецкіе поэты, которыхъ читалъ Державинъ, именно Галлеръ, Гагедорнъ, Геллертъ, Клейстъ, Мендельсонъ, и особенно Клопштокъ, богаты подобными стихотвореніями: у Гагедорна мы находимъ *Размысленія о нѣкоторыхъ свойствахъ Божіихъ*, у Геллерта *Похвалу Творцу*, у Клейста гимнъ *Богу* и

рапсодію *Похвала Божеству*, у Мендельсона оду *во славу Божю*, и проч. Относящіяся сюда произведенія Галлера и Клопштока такъ извѣстны, что вѣтъ надобности особо исчислять ихъ.

Естественно, что Державинъ, увлекаемый общимъ направлениемъ, пытался создать что-нибудь замѣчательное въ томъ-же родѣ и что его ода *Богъ* представляетъ нѣкоторое, хотя и отдаленное, сходство съ другими произведеніями того-же содержанія.

Между тѣмъ это сходство подавало не разъ поводъ къ заключенію, будто Державинъ въ одѣ *Богъ* былъ подражателемъ или даже переводчикомъ.

Во французской брошюрѣ г. Полторацкаго о переводахъ этой оды (Dieu, hymne du poète russe Derjavine. Notice sur quinze traductions françaises de cette hymne. Leipzig, 1855, стр. 30) сказано, что одинъ изъ французскихъ ея переводчиковъ, г. Ферри де-Пиньи (Ferry de Pigny), помѣстилъ въ рукописи своего труда примѣчаніе, въ которомъ выражена мысль, будто Державинъ заимствовалъ содержаніе оды изъ италіянскаго гимна маркиза Ботты. Въ томъ же году, когда издана эта брошюра, г. фонъ-Видертъ, видѣвшій г. Полторацкаго въ Лейпцигѣ, напечаталъ въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 236) статью *Вѣсти изъ Германіи*, въ которой онъ между прочимъ прибавляетъ къ приведенному слуху слѣдующія подробности: одинъ греческій священникъ описываетъ этотъ предметъ въ прозѣ; италіянскій поэтъ перелагаетъ прозу въ стихи; италіянское стихотвореніе переводится на русскій языкъ прозой и служитъ матеріаломъ Державину. Г. Галаховъ, упомянувшій объ этихъ предположеніяхъ въ одномъ изъ примѣчаній къ своей *Исторической Христоматіи новаго періода русской словесности* (т. I, стр. 472), еще до изданія ея сообщилъ намъ въ рукописной замѣткѣ слѣдующій отрывокъ изъ письма къ нему (отъ 2 авг. 1851 г.) покойнаго И. И. Введенскаго, бывшаго главнымъ наблюдателемъ по преподаванію русской словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ: «Извѣстный импровизаторъ Джустиніани перевелъ въ 1848 г. нѣсколько русскихъ стихотвореній, въ томъ числѣ оду *Богъ*, на италіянскій языкъ. Экземпляръ перевода онъ отправилъ между прочимъ къ одному римскому кардиналу съ просьбой сообщить ему мнѣніе о русскомъ подлинникѣ. Письмо Джустиніани осталось безъ отвѣта; но когда въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ въ Италію и явился къ кардиналу, послѣдній выразилъ ему удивленіе, зачѣмъ онъ вздумалъ его мистифировать, выдавая за русское стихотвореніе италіянскій *Гимнъ Богу*, написанный въ XVI-мъ вѣкѣ малоизвѣстнымъ и

несправедливо забытымъ поэтомъ Боттою. Какъ ни мало вѣроятными казались намъ эти свидѣтельства, однакожь мы стали справляться о неслыханномъ нами прежде поэтѣ XVI-го вѣка, маркизѣ Боттѣ*). Когда поиски эти не имѣли никакого успѣха, мы обратились къ С. Д. Полторацкому съ запросомъ, извѣстенъ ли ему, кромѣ г. Джустиніани, какой-нибудь другой источникъ отрицанія подлинности оды Богъ. «Этотъ волчекъ на Державина», отвѣчалъ намъ г. Полторацкій, «пущенъ, какъ вы справедливо замѣчаете, синіоромъ Джустиніани безъ малѣйшихъ съ его стороны доказательствъ. Я ему неоднократно замѣчалъ, что это слѣдуетъ доказать, и вѣроятно ли, чтобъ италіанскій поэтъ, сочинившій такую оду, оставался неизвѣстенъ и не возбудилъ въ соотчичахъ своихъ такого-же восторженнаго трепета, какой ощутили всѣ земляки Державина при появленіи его великолѣпной оды. Кромѣ возгласа Джустиніани, я ничего другаго объ этомъ не знаю». Между тѣмъ лекторъ италіанскаго языка при с.-петербургскомъ университетѣ, г. Пинто, у котораго мы также навѣдывались о загадочномъ *маркизѣ* господина Ферри, доставилъ намъ выписанные имъ вслѣдствіе того изъ Италіи *имны Богу*, но не Ботты, а Котты (Giov. Battista Cotta), поэта, умершаго въ 1738 году. Теперь, для окончательнаго рѣшенія вопроса, оставалось объясниться съ самимъ г. Джустиніани. Изъ разговора съ нимъ мы могли вывести слѣдующія заключенія: что дѣйствительно онъ первый далъ ходъ мысли о заимствованіи оды *Богъ* изъ италіанскаго поэта; что этотъ поэтъ, и по его мнѣнію, никто другой какъ Котта, котораго превращеніе въ марказа Ботту неотъемлемо принадлежитъ г. Ферри-де-Пиньи; наконецъ что г. Джустиніани и до сихъ поръ еще увѣренъ въ сродствѣ оды *Богъ* съ однимъ изъ гимновъ Котты. Разсказъ его о происхожденіи этой увѣренности былъ довольно близокъ къ тому, что сообщилъ намъ г. Галаховъ изъ письма Введенскаго. Г. Джустиніани прибавилъ, что когда около 1843 года г. Шевыревъ познакомилъ его съ нѣкоторыми произведеніями «русскаго Данте», то онъ просто прыгалъ отъ восторга; что сдѣланный имъ переводъ русскихъ стиховъ былъ отправленъ въ

*) Извѣстный намъ маркизъ Ботта (род. 1688, ум. 1774) былъ посланникомъ Маріи Терезіи при петербургскомъ дворѣ въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны, и подвергся обвиненію въ заговоръ противъ русскои императрицы (*La Cour de Russie il y a cent ans*, стр. 110). Другой Ботта (род. 1766, ум. 1837) извѣстенъ историческими сочиненіями, особенно многотомною исторіею Италіи.

Италию въ 1848 году, что наконецъ кардиналъ, принявшій ихъ за мистификацію, былъ знаменитый Медзофанти. Мы съ своей стороны, прочитавъ гимны Котты, удостоверились, что они съ одою Державина не имѣютъ ничего общаго, кромѣ основной идеи прославленія Бога. Чтобы не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія въ невѣрности вывода, приписываемаго пресловутому полиглотту, мы въ приготавливаемомъ нами новомъ изданіи Державина вслѣдъ за одою Державина помѣстимъ въ особомъ приложеніи буквальный переводъ того гимна Котты, который будто бы послужилъ образцомъ русскаго произведенія.

Теперь мы должны упомянуть еще о другомъ мнѣніи, оспаривающемъ самостоятельность оды *Богъ*. Тотъ-же Введенскій писалъ г. Галахову: «Преподаватель русскаго языка въ ревельской гимназіи, Святный сообщилъ мнѣ, что ода Богъ есть не что иное какъ переводъ съ нѣмецкаго почти буквальный и что оригиналъ этой оды онъ читалъ въ стихотворныхъ прибавленіяхъ къ *Латышской грамматикѣ*, изданной Штендеромъ въ 1762 году (2-ое изд. 1793 г.)».

Въ этой книгѣ, на которую ссылался нынѣ уже умершій Святный, указанное имъ стихотвореніе находится только въ латышскомъ переводѣ, безъ означенія имени автора. Намъ удалось отыскать самый подлинникъ въ сочиненіяхъ нѣмецкаго поэта Броккеса (Brookes), жившаго въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и слѣдовательно современника Котты. Прочитавъ его оду *Gottes Größe*, мы только подавились, какъ легко люди поддаются искушенію прославиться какимъ-нибудь открытіемъ. Подстрочный переводъ стиховъ Броккеса также сообщенъ будетъ нами въ приложеніи къ одѣ.

Наконецъ мы не можемъ умолчать также о стихотвореніи *Богъ* Гердера, который въ началѣ царствованія Екатерины II былъ пасторомъ въ Ригѣ. И на эти стихи указывали какъ на сочиненіе, послужившее образцомъ для оды Державина. Однакожъ она представляетъ не болѣе сходства и съ этимъ длиннымъ, метафизическимъ и тяжелымъ произведеніемъ писателя, который хотя и былъ глубокимъ мыслителемъ, но въ стихахъ котораго такъ мало поэзіи, что Державину никогда не могло бы вдуматься идти по слѣдамъ его.

Сравненіе оды Державина съ другими произведеніями одинаковаго содержанія убѣждаетъ насъ, что это — созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и сходное съ нѣкоторыми изъ нихъ только

въ немногихъ отдѣльныхъ чертахъ, такъ какъ писатели, разрабатывающіе тотъ же предметъ, не могутъ иногда не встрѣчаться на однѣхъ мысляхъ. Но сверхъ того въ частностяхъ ода *Богъ* представляетъ отголоски чтеній Державина, воспоминанія изъ другихъ, особливо нѣмецкихъ поэтовъ. Подобныя, такъ называемыя реминисценціи, большею частью безсознательныя, встрѣчаются у самыхъ замѣчательныхъ поэтовъ и не могутъ почитаться заимствованиями. Нѣкоторыя произведенія германской литературы были знакомы Державину не только въ подлинникахъ, но и въ русскихъ переводахъ. Такъ *Вѣчность* Галлера, переведенная въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1779 г., до такой степени обращала на себя вниманіе нашего поэта, что онъ, какъ видно изъ его рукописей, самъ пытался перевести ее стихами. Въ частныхъ примѣчаніяхъ къ одѣ *Богъ* мы укажемъ тѣ мѣста ея, въ которыхъ можно признать дѣйствительное вліяніе другихъ поэтовъ на Державина. Оду *Богъ* началъ онъ еще въ 1780 г. по возвращеніи отъ заутрени свѣтлаго Христова воскресенья, но должностныя занятія и столичные развлеченія долго не давали ему кончить ее. Наконецъ, весною 1784 г., онъ, оставивъ службу по неудовольствіямъ съ княземъ Вяземскимъ, отправился въ Нарву и тамъ дописалъ давно занимавшую его оду (подробный рассказъ о томъ въ его *Объясненіяхъ*). Она явилась въ XIII ч. *Собесѣдника* (стр. 125), вышедшей 23 апрѣля 1784 года; впоследствии эта ода была напечатана отдѣльно въ четвертку безъ означенія года и мѣста, но съ подписью: Г. Державинъ, которая здѣсь едва-ли не въ первый разъ явилась въ печати. Сверхъ того ода *Богъ* вышла около 1792 г. особою тетрадкою въ Москвѣ (письмо А. П. Нилова къ Державину отъ 24 іюля 1792 г.). Въ изданіяхъ 1798 и 1808 г. ею начинается собраніе сочиненій Державина.

Изъ всѣхъ стихотвореній этого рода ни одно нигдѣ не имѣло такого шумнаго успѣха, какъ ода *Богъ*. Она приобрѣла европейскую извѣстность и переведена на языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, италіанскій, испанскій, польскій, чешскій, латинскій и японскій. Нѣмецкихъ переводовъ было нѣсколько; французскихъ г. Полторацкій указалъ 15 (см. его брошюру *Dieu, hymne* и проч. *Leipzig*, 1855); но первымъ переводчикомъ оды *Богъ* на французскій языкъ былъ Жуковскій, въ 1799 году, когда онъ еще воспитывался въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ (въ своемъ мѣстѣ мы напечатемъ подъ означеннымъ годомъ письмо его и С. Родзянко къ Державину). Латинскій переводъ, Черскаго, напечатанъ былъ отдѣльно въ Вильнѣ и въ *Соревнователь*

(1820 года, ч. IX, стран. 198). Во время плѣна адмирала (въ ту пору капитана) В. М. Головнина у Японцевъ (отъ 1811 до 1813 года), ода была переведена чрезъ его посредство на японскій языкъ. Разсказъ, помѣщенный имъ о томъ въ *Запискахъ* его объ этомъ плѣнѣ (ч. III, стр. 18), тѣмъ болѣе любопытенъ, что вѣроятно онъ-то и послужилъ началомъ столь распространенной молвы, будто бы въ Пекинѣ, во дворцѣ Богдыхана, виситъ на стѣнѣ китайскій переводъ этого стихотворенія. Чтобы всякій могъ судить о вѣроятіи нашей догадки, приводимъ относящіяся сюда строки изъ книги покойнаго адмирала: «Однажды ученые ихъ (*Японцевъ*) просили меня написать имъ какіе нибудь стихи одного изъ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Я написалъ Державина оду *Богу*, и когда имъ читалъ, они отличали рѣзны и находили пріятность въ звукахъ; но любопытство японское не могло быть удовлетворено однимъ чтеніемъ: имъ хотѣлось имѣть переводъ этой оды. Много труда и времени стоило мнѣ изъяснить имъ мысли, въ ней заключающіяся; однакожъ напоследокъ они поняли всю оду, кромѣ стиха: *Безъ лицъ въ трехъ лицахъ Божества*, который остался безъ истолкованія, да они и не настаивали слишкомъ много, когда я имъ сказалъ, что для уразумѣнія сего стиха должно быть истиннымъ христіаниномъ. Японцамъ чрезвычайно понравилось то мѣсто сей оды, гдѣ поэтъ, обращаясь къ Богу, между прочимъ говоритъ: *И цѣль существъ создалъ всѣхъ мой*. При семъ же случаѣ, удивляясь высокимъ мыслямъ сочинителя, показали они, что постепенное шествіе природы отъ самыхъ высокихъ къ самымъ низкимъ ея твореніямъ, и имъ не безъизвѣстно. Стихотвореніе это до того понравилось губернатору, что онъ велѣлъ просить г. Мура» (одного изъ товарищей заключенія Головнина) «написать оное для него кистью на длинномъ кускѣ бѣлаго атласа и потомъ отправилъ вмѣстѣ съ переводомъ къ своему императору. Японцы упрямы насъ, что она будетъ выставлена на стѣнѣ въ ея чертогахъ, на подобіе картины». Это извѣстіе не могло не поразить нашего общества и не распространиться въ такое время, когда ода *Богу* была еще во всей своей славі, и когда исторія плѣна Головнина всѣхъ интересовала. Разсказъ о переводѣ знаменитаго сочиненія, переходя изъ устъ въ уста, естественно подвергся нѣкоторымъ неточностямъ: японскій языкъ былъ смѣшанъ съ китайскимъ, намѣреніе принято за исполненіе, и вотъ ода *Богу* очутилась, написанная золотыми буквами, въ пекинскихъ чертогахъ. Такое смѣшеніе фактовъ однажды было даже явно высказано въ печати. Въ № 6 *Отечественныхъ Записокъ* 1846 года

нѣкто И. Б. (Быстровъ?), выражая сомнѣніе въ существованіи *китайскаго* перевода оды *Богъ*, говоритъ: «О немъ кажется упоминаетъ Головинъ въ одномъ изъ своихъ путешествій». Отсюда уже ясно, какъ произошелъ упомянутый слухъ, который Полевой еще въ 1840 году назвалъ *сказкою*, но который между тѣмъ держался до сихъ поръ и былъ часто повторяемъ, какъ достовѣрный, въ разныхъ европейскихъ литературахъ. Пора отвергнуть ложную молву, понявъ ея источникъ; отъ этого не пострадаетъ ни слава Державина, ни честь русской литературы. (Ср. *Библиографич. записку о Державинѣ* въ ч. VI *Москвитянина* 1846 г.; также указанную выше французскую брошюру г. Полторацкаго, стр. 9 и 10.) *).

Послѣ оды *Богъ* являлось у насъ въ разное время много другихъ стихотвореній на тотъ-же предметъ, какъ-то: *Гимнъ Богу* Дмитріева, *Письмъ Божеству* Карамзина, *Письмъ высочайшему существу* В. Пр. (*Чтеніе для вкуса* 1792, ч. VI, стр. 362), *Письмъ Богу* Влад. Измайлова (*Доникды* I), *Гимнъ Непостижимому* Мерзлякова (*Вѣстникъ Европы* 1805, ч. XXIII, № 20), *Гимнъ Жуковского* (изъ Томсона), *Ода Богъ* Пнина (*Журн. для пользы и удовол.* 1805, ч. IV); *Гимнъ Богу* Бередникова (*Чтен. съ Бес. Люб. Русс. сл.*, ч. IX.) и проч. Графъ Хвостовъ также сочинилъ оду *Богъ* **).

*) Богѣ полное исчисленіе переводовъ оды *Богъ*, какъ и вообще переводовъ изъ Державина, будетъ предложено при новомъ изданіи въ особомъ библиографическомъ указателѣ.

**) Какъ высоко онъ самъ цѣнилъ свое твореніе, видно изъ слѣдующаго анекдота. Разъ, отправляясь въ Царское Село, онъ взялъ съ собою секретаря своего Ильинскаго, тоже стихотворца, и дорогою требовалъ, чтобъ тотъ откровенно сказалъ ему, которую изъ двухъ одъ, Державина, или Хвостова, онъ находитъ выше. Услышавъ искреннее мнѣніе своего спутника, которое было, разумѣется, въ пользу Державинской оды, оскорбленный пѣтъ хотѣлъ было высадить своего секретаря среди дороги и съ трудомъ согласился вести его дальше (слыш. отъ князя Н.-И. Цертелева).